

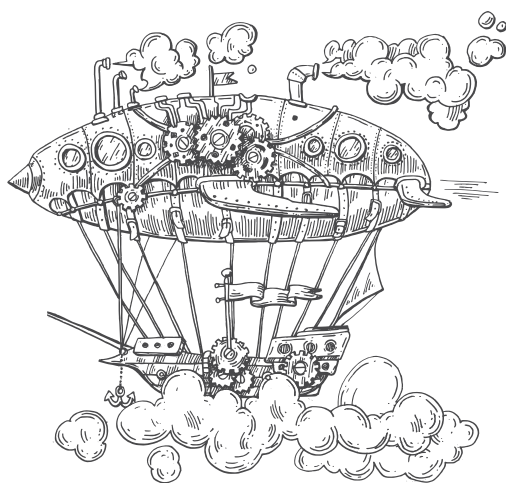

ВЛАДИМИР
ТОРИН

ПТИЦЫ

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)

МИФ

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)

Red Violet. Темные миры

**ВЛАДИМИР
ТОРИН**

Птицы

Москва
«Манн, Иванов и Фербер»

2022

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос)6-445.13
Т60

Торин, Владимир

Т60 Птицы / Владимир Торин. — Москва : Манн, Иванов и Фербер, 2023. — 812 с. : ил. — (Red Violet. Темные миры).

ISBN 978-5-00214-219-4

Это случилось перед одной из снежных бурь в городе, где всегда идет снег. Мальчик по имени Финч вернулся домой и обнаружил, что его дедушка таинственным образом исчез... Пытаясь разгадать эту загадку, Финч делает жуткое открытие: оказывается, в городе бок о бок с людьми живут странные существа, о которых никто не знает. Существа, которые прикидываются птицами, которые прикидываются людьми...

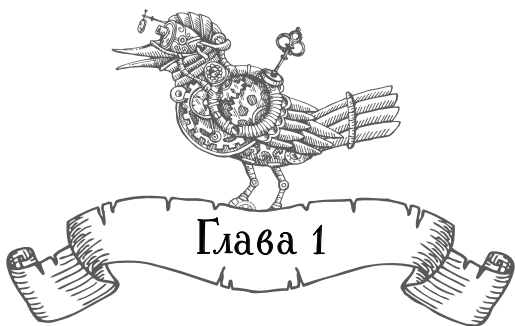
УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос)6-445.13

Все права защищены.
Никакая часть данной книги
не может быть воспроизведена
в какой бы то ни было форме
без письменного разрешения
владельцев авторских прав.

ISBN 978-5-00214-219-4

© Владимир Торин, 2023
© Оформление. ООО «Манн,
Иванов и Фербер», 2023

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)

Финч

Снег. Он идет, как незнакомец. Казалось бы, совсем рядом — руку протянуть, и коснешься, и все же он так далеко — за окном. Снег будто манит... манит пальцем: выйди, забирайся ко мне под пальто, пойдем со мной.

Мальчику одиннадцать лет по имени Финч нестерпимо хотелось выйти прямо через покрытое изморозью круглое окно на третьем этаже школы и исчезнуть, уйти со снегом. Но он не мог. Он был наказан. А наказали его за то же, что он делал и сейчас: думал о своем и не слушал того, кто не любит, когда его не слушают.

На партах тускло горели газовые лампы, но все равно в классе было темно.

Финч сидел в последнем ряду, почти под самым потолком, — места учеников поднимались ступенями, в то время как учительский стол тонул во мраке в глубине помещения. Там, внизу, едва заметно шевелилось нечто, кажущееся бесформенным, грубым и древним.

В классе было жутко... жутко сонно.

На учительском столе тикали часы, порой кто-то приглушенно кашлял, скрипели перья чернильных ручек. Что-то хриплым голосом бормотало существо, грузно расхаживающее у доски, ну а Финч все глядел в окно.

Снег окутал собой улицу, дома и крыши — в этом городе он шел всегда. Внизу, у здания школы, проходила аллея с двумя рядами скрюченных деревьев, побелевших и простуженных. Фонари на чугунных столбах еще не зажгли, и до того, как они задорно загорятся по одному, оставалось совсем немного. Ни прохожих, ни экипажей на мостовой видно не было. Город словно вымер. Будто заснул, убаюканный тишиной и покоем зимнего дня.

Финч глядел на эту меланхоличную картину в белых тонах, и глаза его слипались. Он уже и сам почти заснул, когда за окном вдруг что-то начало происходить.

На аллее появился человек с черным зонтиком. В смоляном пальто и цилиндре он походил на размытое чернильное пятно — крайне неуместное и мрачное пятно среди заснеженных деревьев. Незнакомец озирался по сторонам, словно не понимал, где находится.

Финч мог бы поклясться, что всего мгновение назад на аллее никого не было — он даже поймал себя на нелепой мысли: «А что, если этот человек просто вдруг выбрался из падающего снега?»

Незнакомец между тем прекратил оглядываться и присел на скамейку. Но в тот же миг, как он ее коснулся... исчез, рассыпавшись снегом, а на том месте, где он только что находился, появилось несколько нахохлившихся черных ворон.

Финч вздрогнул. Сонливость как рукой сняло.

Он пригляделся: никаких следов джентльмена в цилиндре — только птицы на скамейке бродят туда-сюда и раскрывают клювы, что-то крича.

Мальчик перевел взгляд на одноклассников: может, кто-то из них видел то же, что и он? Но кругом были сплошь грустные безразличные затылки. И как в такое время можно что-то писать?! Как можно не замечать, что происходит что-то странное?!

Тем не менее никто ничего не замечал — всех заботили только собственные скучные тетради и унылые закорючки, которые там появлялись.

Финч снова поглядел в окно, но даже ворон больше не было. Лишь, как и мгновение назад, падал этот бесконечный снег...

— Вы все поняли, мистер Финч? — раздался надтреснутый голос от доски.

— Я ничего не понял, — пробормотал Финч. — Куда он исчез?

— Что вы сказали?

Финч встрепнулся:

— Ничего, мадам. Я вас внимательно слушаю...

— Тогда, надеюсь, вы готовы вместе со всеми перейти к заключительному параграфу...

Ветер выл в дымоходах, эхо от него долетало в класс и сливалось с монотонным бормотанием карги в огромных круглых очках с выпуклыми стеклами. Карга стояла, сгорбившись у черной грифельной доски, и указывала на что-то указкой. Ее сухие потрескавшиеся губы медленно шевелились, а сморщенное застывшее лицо белело в потемках, и издалека казалось, что оно висит в воздухе отдельно от тела.

Карга провела указкой по доске, очевидно, намереваясь процарапать в ней прореху и надеясь, что из раны потечет кровь. Она сморщила клювообразный нос, принявшись.

Порой Финч думал, что в этом дряхлом существе жутковатую каргу видит только он. На остальных же наказанных миссис Оул, престарелая учительница по Странным числам, нагоняла лишь нафталиновую тоску.

— Ойт — это десятичная мера снега, — говорила миссис Оул, — которую забирает один ковш для переработки в подземных фабриках-гремпинах. В одном оите — десять нилей. В одном ниле — десять клаптингов. Вы записываете, мистер Финч?

— Да-да, мадам.

Финч торопливо макнул ручку в чернильницу и кривобоко вывел: «10 клаптингов». При этом на странице образовалась жирная уродливая клякса.

— Вы ведь знаете, что вы безнадежны, мистер Финч? — спросила миссис Оул — учительница словно увидела со своего места медленно и неотвратимо впитывающееся в записи пятно.

Финч молчал. Он это знал, однако поделаться со своей рассеянностью ничего не мог. Дедушка говорил, что рассеянность — признак необычного ума и живой фантазии. А учителя говорили, что Финч просто отсталый. Так как Финч до сих пор не замечал у себя признаков необычного ума и не представлял, какое он имеет отношение к живой фантазии, то был склонен согласиться с мнением учителей.

«Не зря меня вечно наказывают, — думал он. — Кажется, я и правда отсталый...»

За что же наказали Финча в этот раз?

Что ж, если бы время можно было отмотать к моменту, когда все произошло, то стоило бы вернуться в класс «Странные числа» миссис Оул примерно на час назад.

Финч, щуплый мальчишка с взлохмаченными синими волосами, сидел там же, у окна. Он и не думал записывать то, что рассказывала миссис Оул, — вместо этого, подпирая голову рукой, глядел на самый ненавистный для него в этом классе затылок.

— Мерзкая-премерзкая, гадкая-прегадкая, сопливая-пресопливая... — шептал он себе под нос, с презрением и досадой наблюдая поверх голов одноклассников за девочкой, сидящей через две парты от него.

Финчу эта девочка не нравилась до такой степени, до какой только одна вредная самовлюбленная зазнайка может не нравиться мальчишке, который считается самым большим чудачком в классе. То есть она ему *крайне* не нравилась.

К таким, как она, любимчикам учителя обычно относятся как к своего рода маленьким заместителям. «Карликовые заместители», — называл их про себя Финч. Такие важные персоны всегда мнят о себе невесть что: как будто им сам

господин директор школы предписал вместе с формой носить задранный нос и поджатые губки. А эта мисс Джей в особенности! Всюду лезет со своими знаниями и, как назло, неизменно отвечает на все вопросы учителей «Н. О.», то есть «На Отлично», да еще с таким видом, будто вызубрила всю энциклопедию Болестуса Брауна наизусть. И при этом еще считает себя самой большой красавицей в школе, несмотря на веснушки, курносый нос и два рыжих хвостика, глядя на которые вечно боишься обжечься.

А ее имя! А-ра-бел-ла! Фу-ты ну-ты... Вон Финч — просто Финч, и ничего, не пропадает. А тут, видите ли, «мисс Арабелла Джей, первая леди класса». Смешно просто. Сидит, сложив перед собой на парте ручки, с ровной, как в «Большом сборнике школьных правил», спиной, будто ее отходили по ней кочергой, и едва не дрожит вся — готовится ответить на еще не заданный учительницей вопрос. Вот было бы забавно...

— Мистер Финч, позвольте спросить, чем это вы занимаетесь?

В мальчика вонзился взгляд двух совиных глаз, округленных стеклами очков в роговой оправе. Будь у взгляда когти, Финчу в этот миг стало бы невыносимо больно.

Три десятка шей, полупридушенных узкими белыми воротничками и черными галстуками, повернулись к нему так синхронно и резко, словно каждый из учеников в одночасье получил крепкую пощечину.

Весь класс замер и уставился на Финча. Кто-то позволил себе чуть заметную усмешку: его определенно ждали неприятности — какие именно и за что, одноклассники пока не знали, но уже были в предвкушении. Хуже всего, что и мисс Джей глядела на него, следила за появившимся в его глазах страхом, как злорадный зритель в цирке глядит на спотыкающегося канатоходца.

— Мне повторить свой вопрос, мистер Финч? — пролязгала металлическим голосом миссис Оул. — Чем вы занимаетесь, когда должны слушать то, что я рассказываю?!

Учительница сидела за своим громоздким дубовым столом на стуле с высокой резной спинкой. Позади чернела доска, на которой, словно приговор неучам, были выведены формулы и даже целые предложения из Странных чисел; на столе выстроились колонны учебников, словарей и энциклопедий числительных законов. Всем своим видом миссис Оул сейчас напоминала судью, только без парика — хотя в последнем Финч не был уверен.

«Чем я занимаюсь, когда должен слушать ее?!»

Неужели эта миссис Оул, раз она учитель и вся из себя такая умная, не может догадаться сама, что он сидит и молча ненавидит Арабеллу Джей? Это же очевидно! Что миссис Оул ему сделает? Он ей не по зубам! И пусть весь класс знает, что он ее не боится, как все эти трусы и любимчики! Он ей все сейчас выскажет! Все, что думает! Об этом будут говорить месяц!

— Ничем, мадам, — едва слышно прошепелявил Финч, опустив взгляд в парту и нещадно краснея.

Большим болваном Финч сегодня себя еще не чувствовал. К тому же и мисс Джей, он был уверен, глядела сейчас на него со своим коронным презрением и, должно быть, даже показывала ему язык, пока миссис Оул не видит.

— Вы выполнили ваше домашнее задание на «Е. У.»! — продолжала возмущаться миссис Оул — на ее учительском ритуальном языке «Е. У.» означало «Едва Удовлетворительно». — И теперь еще позволяете себе меня не слушать и спать на уроке?! Вы заслужили наказание, мистер Финч. Сегодня останетесь после занятий. И только попробуйте сейчас поморщиться или вздохнуть — будет хуже. Еще хуже, чем в прошлый раз. Вам все ясно?

— Д-да...

— Не слышу вас, мистер Финч!

— Да, мадам.

...Вот так Финч и оказался на дополнительном часу «Странных чисел», на котором он и увидел в окне появившегося

из ниоткуда и таким же непонятным образом исчезнувшего человека с зонтиком. Кто это был? Что он делал там, на аллее? Искал кого-то? От кого-то бежал? Или просто прогуливался? А может... может, его и вовсе не было?

Финч вздохнул. Кажется, ему все просто привиделось — почти-почти приснилось: когда ты едва не засыпаешь в темном классе под монотонное бормотание о числах, и не такое увидишь. Ну еще бы! Так ведь не бывает, чтобы человек вышел из снега и превратился в птиц.

Откуда Финчу в тот момент было знать, что сегодняшней день еще готовился преподнести ему кое-что необычное, немного удивительного и совсем чуть-чуть необъяснимого...

Часы на учительском столе издали характерное «дзынь», предупреждающее о том, что урок закончится через минуту. Финч вздрогнул и принялся поспешно переписывать в тетрадь формулы с доски: было важно успеть законспектировать как можно больше, иначе дедушка не сможет ему дома все разъяснить и помочь с домашним заданием. Мальчик и думать забыл о странном происшествии за окном, которому стал свидетелем.

Когда ударил колокол, а эхо от него расплзлось по школьным коридорам и узким лестницам, Финч все еще лихорадочно переписывал расчеты угла падения снега в зависимости от силы и направления ветра и еще что-то столь же сложное и неинтересное. Он пропускал числа и целые строки, надеясь, что они не ключевые, сокращал, как мог, но, к сожалению, стенографирование не было его сильной стороной.

Когда Финч наконец занес в тетрадь последнее Странное число, в классе уже никого не осталось, кроме него и застывшей за своим столом миссис Оул.

Финч поспешно закрыл тетрадь, закрутил чернильницу и заправил ручку с баночкой под специальные ремешки в портфеле; в одно из отделений отправилась и тетрадь.

— Вы забыли высушить записи промокательной бумагой, мистер Финч, — сказала миссис Оул своим неизменным укоряющим тоном. — Этого стоило ожидать.

Финч огорчился: его и так плохо разборчивые записи из-за размазанных чернил сейчас, вероятно, стали и вовсе нечитаемыми. Придется половину угадывать. Может, дедушка знает что-то из темы «Странные числа и снежные фабрики гремпинов»?

Прوماкивать уже расплывшиеся чернила было поздно, и Финч, подхватив портфель, выбрался из-за парты и вприпрыжку потопал вниз по лесенке прохода между рядами.

— Вы ничего не забыли, мистер Финч?

Миссис Оул всегда будто только и ждала момента, когда он ошибется, чтобы поймать его на промахе и раздуть из этого целую историю или как минимум озвучить парочку оскорблений. А Финч, в свою очередь, был из тех, кто не упустит случая предоставить ей такую возможность.

Вот и сейчас он обернулся и с досадой отметил, что лампа, встроенная в его парту, до сих пор горит.

С тщательно скрытым тяжелым вздохом Финч вернулся на свое место и, нащупав под партой вентиль на трубе, крутанул его — огонек с легким хлопком погас.

Разобравшись с лампой, Финч осторожно двинулся по потемневшему проходу между рядами парт, во все глаза глядя под ноги: было бы ужасно сейчас споткнуться и кубарем покатиться прямо к столу учительницы.

Без происшествий спустившись и пробормотав: «До свидания, мадам», Финч направился к двери. Он уже почти покинул класс, когда миссис Оул его окликнула:

— Мистер Финч!

Финч замер и обернулся. Учительница глядела на него тяжелым, как колокол, взглядом.

«Ну вот, — с тоской подумал Финч. — Сейчас начнется...»

И началось:

— Вы только поглядите на себя.

— Целиком не получится, — храбро ответил мальчик. — Нужно большое зеркало.

Миссис Оул приподняла бровь и сцепила толстые когтистые пальцы.

— Если бы вы не были отсталым, — сказала учительница, — я бы наказала вас за дерзость. Но, видимо, вы действительно понимаете все лишь буквально, поэтому я разъясню! Вы должны выглядеть как ученик школы Фьорити!

— Но я и так выгляжу, мадам!

Это была правда: как и все мальчики в школе, Финч носил узкий темно-серый пиджачок, клетчатые черные бриджи, шерстяные гольфы, рубашку с удушливым воротником, черный галстук и ботинки на кнопках. Он не понимал упреков учительницы.

Тем не менее у нее их был заготовлен целый список:

— Вы должны быть причесаны! Всегда! С пробором налево, как принято для мальчиков школы Фьорити! Ваши манжеты и ваш воротничок все в коричневых пятнах от пароутюга! На гольфе дыра! Башмаки не начищены! На ваших пальцах, губах и щеке чернила. Вы постоянно грызете ручку — это отвратительная привычка! Отсталые дети, к вашему сведению, тоже должны выглядеть как достойные ученики школы Фьорити, если они хотят оставаться учениками школы Фьорити! Ну, или в вашем случае, если этого хочет ваш дед, мистер Фергин. Вам все ясно?

— Да.

— И вы не должны отвечать взрослым «да» или «нет». Это невежливо. Вы должны отвечать как эхо: «Ясно, мадам».

— А если мне будет не ясно?

— Вы свободны, мистер Финч.

Под пристальным взглядом миссис Оул Финч понуро развернулся и толкнул дверь. Он чувствовал себя просто отвратительно. Финч ненавидел эту злобную старую женщину. Ему казалось, что она специально к нему придирается, будто мстит за что-то. Это было несправедливо! И нечестно! «Вы должны

быть причесаны!» Еще с расческой возиться! И какой смысл причесываться, если все равно потом все лохматится?

Покинув класс, Финч быстро прошел по пустому коридору, спустился по главной школьной лестнице и, зайдя в гардероб, протянул автомату-гардеробщику номерок. Старый механоид заскрипел и заскрежетал, словно раздумывая, отдавать ли мальчику его одежду, после чего все же смиростивился и двинулся к вешалкам. Вскоре Финч уже натягивал пальто, шапку и перчатки. Обернув шею шарфом и попрощавшись с автоматом, он направился к выходу из школы. Спыхватился. Вернулся в гардероб за забытым портфелем, а затем наконец покинул свое самое нелюбимое место на свете.

Предстояла дорога домой...

Финч брел по аллее в сторону трамвайной станции, согнувшись под тяжестью портфеля на спине.

Как всегда, шел снег. Сейчас он падал большими ленивыми хлопьями.

Было не так уж и холодно, но мальчика мучил озноб. Он прокрадывался по коже, как вор. Нет, как целая стая воров. Ноги в башмаках быстро замерзли. А еще эта проклятая дыра в гольфе! Поскорее бы добраться до станции...

Слева неожиданно раздался хрип.

Финч повернул голову и в первый миг решил, что глядит на странного и довольно уродливого снеговика. На скамейке сидело толстое голое существо с белой кожей — складки этой его кожи свисали с круглого брюха на тонкие коленки. Лицо было не менее странным и пугающим: черные глаза, длинный нос-клюв, и лишь где-то в глубине под ним угадывалась прорезь рта.

Финч даже споткнулся и на мгновение потерял из виду жуткое существо. Поднял взгляд и...

Никого там больше не было. Лишь большой ком снега будто бы вырастал из скамейки.

— Как же так?! — со смесью удивления и разочарования прошептал мальчик. — Куда оно подевалось?

Подевалось? А было ли оно там вообще?

«Почему мне сегодня постоянно видится что-то непонятное?! Сперва человек, превратившийся в птиц. Теперь вот это!»

Финч яростно потер глаза. После чего бросил недоверчивый взгляд на скамейку — никого.

«Померещилось?»

Хотелось верить, что да. И все же как-то уж слишком часто ему стали «мерещиться» разные вещи. Ладно еще, если бы он не увидел никаких подробностей, но он успел рассмотреть пугающее существо как следует. Оно было таким реальным... Эта гладкая обвисшая кожа, этот тяжелый нависающий нос и непроглядная чернота круглых глазок! Такое нарочно не придумаешь! А уж он, с его отсутствующей фантазией, точно не смог бы.

Финч почувствовал, что озноб усилился, и поежился в своем пальто. Сняв перчатку, он приложил ладонь ко лбу. Тот был раскален, как радиатор теплофора.

— Кажется, я заболел, — пробормотал мальчик, и тут его осенило: «Я простыл, и у меня жар. Точно! Это все объясняет... Никаких чудачков с зонтиками и носатых толстяков. Это просто я чужак. Нужно поскорее вернуться домой. Дедушка готовится горячий обед и заварит желудевый чай...»

Финч вспомнил, что дедушка обещал ему конфету из жестяной коробки на каминной полке, если он получит за домашнее задание хотя бы «Едва Удовлетворительно». Что ж, дело было сделано.

«Но ему нельзя говорить, что я заболел, — мысленно добавил Финч, — а то заставит пить рыбий жир и есть мерзкий лекарственный воск!»

Финч ускорил шаг. Нужно было попасть на трамвай как можно скорее. Пока ему не привиделось еще что-то жуткое и странное...

...Трамвайная станция представляла собой высокое здание из бурого кирпича с большими прямоугольными окнами, из которых на снег лились полосы теплого рыжего света. Над входной дверью располагалась вывеска: *«Трамвайная станция “Докери”. Счастливого пути»*.

Как только Финч подошел к станции, автоматон в вишневой форме Трамвайного ведомства услужливо открыл двери и пропустил его.

Финч потоптался на включившейся теплорешетке у порога, стряхивая снег с ботинок, и шагнул внутрь.

Его тут же обдало горячим воздухом, и он буквально утонул в шуме разговоров, смехе и музыке из бронзовых рупоров, развешанных над дверями по обе стороны прохода. Здесь, в отличие от пустынной аллеи, былолюдно. Кругом горели лампы.

Внутри станция «Докери» представляла собой нечто, напоминающее небольшой крытый бульвар или, скорее, пассаж. Над головой возвышалась стеклянная крыша, через нее было видно хмурое небо — одна за другой на гладкой поверхности умирали снежинки: снег на крыше станции не задерживался из-за горячих труб, проходящих под карнизами, и каминов в самом здании.

По сторонам ведущего к платформе прохода размещались: книжная лавка, шляпное ателье, чемоданный магазинчик, цирюльня, мастерская по ремонту автоматов, отделение городской почты и кофейня «Вильнич», за столиками в которой всегда сидели важные джентльмены в деловых костюмах и дамы в красивых платьях с беличьими воротниками.

Финч побрел к платформе. Ему было запрещено куда-либо заходить, да и вообще бродить по станции. А если задуматься: что ему там было делать, в этих лавках? Денег у него никогда не бывало, а стоять и глазеть на витрины — только душу травить, как говорил дедушка. Финч ощущал, что его душа и без того достаточно отравлена — ядом миссис Оул, подкрававшейся простудой и прочими невзгодами. Поэтому он, как и всегда, просто шел на свой трамвай, не глядя по сторонам и при

этом стараясь не натолкнуться на кого-нибудь из прохожих. Сожалел он лишь об окошке под вывеской «Кондитерская Трутти», из которого по всей станции расплзался чудесный запах свежеспеченных сахарных крендельков...

Шедший мимо мужчина задел Финча, едва не сбив его с ног, и как ни в чем не бывало продолжил путь. Мальчик остановился и негодуя поглядел ему вслед, потирая уши.

Грубый мистер в черном пальто и шляпе-котелке спешно отдалялся. Словно почувствовав, что на него глядят, он обернулся, одарив Финча кривой улыбкой и не менее кривым взглядом. В улыбке блеснул металлом зуб. Выражение лица незнакомца было зловредным и угрожающим, да и в целом он выглядел как личность, не заслуживающая не то что доверия, но даже приветствия — того и гляди рукав оттяпает.

Мужчина отвернулся и пошагал в сторону газетного киоска.

«Мерзкий тип», — подумал Финч и продолжил путь. Вскоре он оказался на платформе.

Здесь было холоднее, чем у лавок: ветер задувал и заносил снег в проемы, через которые трамваи попадали на станцию. Рельсовые пути вылезали будто прямо из холодного зимнего дня и в него же уходили на другом краю платформы.

Трамвая еще не было. Финч бросил взгляд на станционные часы. Один циферблат показывал общее время (без двенадцати минут четыре), на другом значилось оставшееся время до прибытия трамвая (ровно двенадцать минут).

Оглядевшись по сторонам в поисках констебля или станционного смотрителя, мальчик выбрал свободное место на ближайшей скамейке и быстро на нее уселся. Детям запрещалось сидеть на скамейках на станции: те были предназначены для почтенных джентльменов и дам — в общем, всяких-разных взрослых, но только не для детей. Разумеется, дети часто нарушали это правило.

От скуки Финч стал наблюдать за жизнью станции. На платформе сейчас было не очень много народу — всего пара стариков, читающих газеты. По другую сторону от путей, куда

можно было добраться по мосткам, проходящим у стены над трамвайными проемами, люди буквально толпились: направление в сторону центра города было более популярным, чем в сторону Горри, где жил Финч.

В дальнем конце платформы располагалась билетная касса, к окошку которой выстроилась небольшая очередь, там же стоял пожилой усатый станционный смотритель — он с кем-то говорил и громко, от души, хохотал. Под столбом с часами вместе со своей табуреточкой и стулом для клиентов разместился натиральщик башмаков в фартуке. Работы у него сейчас хватало.

Как, впрочем, и у огромного человека в темно-синей форме и высоком шлеме с кокардой. Констебль держал за шиворот тощего мужчину, трепыхающегося у него в руках, словно свежепойманная рыба. «Рыба» болтала руками по сторонам, изо всех сил пытаясь извернуться и куснуть констебля за пальцы.

— Пусти! Пусти! — верещал человек, привлекая к себе заинтересованные взгляды.

Финч с удивлением узнал в пойманном того, кто его толкнул, — неприятного типа с металлическим зубом.

Констебль был непреклонен.

— Ну да! — пробасил он. — Щас! Вот прям взял и пустил! — Он повернул голову к недоуменным свидетелям этой драмы или, учитывая злобные и в то же время комичные гримасы пойманного, скорее, трагикомедии. — Соблюдайте спокойствие! Жулик пойман! Возвращайтесь к своим делам!

— А что он сделал, сэр? — спросила старушка с клюкой, подлетевшая к месту происшествия с резвостью пожарной кареты. По ее вдохновенному сморщенному лицу было видно, что она жаждет подробностей, сплетен и чуть ли не свежих городских легенд. — Пытался испортить часы? Или хотел пробраться в трамвай без билета? Или намеревался подменить заголовки в газетах?

— Крался и выглядел подозрительным.

— Гм...

Старушка была так разочарована, как будто ей кто-то сообщил о том, что пятичасовые чаепития навсегда отменяются. Она-то, небось, надеялась, что жулик собирался положить кому-нибудь в чай бомбу или как минимум украсть станционный колокол. Она огорченно махнула рукой и отправилась по своим делам.

— Пусти! — все верещал жулик под треск воротника собственного пальто. — Я ничего не делал!

— Соврешь об этом господину начальнику станции.

Констебль подтащил арестованного к полицейской будке, сплошь обклеенной плакатами с изображениями разыскиваемых лиц, затолкал его внутрь и последовал за ним. Со звуком захлопнувшейся двери станция снова зажила своей привычной жизнью. О происшествии все будто мгновенно забыли.

Финч не знал, что и думать. С одной стороны, он был рад, что толкнувший его мерзкий человек получил по заслугам. Но с другой — он боялся даже представить, что с ним сделают констебли. Может, мистер в котелке и выглядел подозрительно: у него были металлический зуб и злобная усмешка, но это ведь еще не значит, что он заслужил оказаться в цепких лапах безжалостной полиции. Вспомнить только, какие жуткие истории ходили о людях в темно-синей форме! Все дети боятся констеблей — и не зря. Хотя дедушка говорит, что они не страшные, а просто строгие...

Мысли Финча прервал удар колокола. Из медных вещателей над скамьями раздалось: *«Внимание, пассажиры! Трамвай подходит к станции!»*

И в самом деле — еще издали слышались стук колес и грохот работающих механизмов. Вскоре, сопровождая свое появление трескучим звонком и клубами пара, сквозь проем на станцию заполз трамвай — темно-красный вагон с локомотивной рубкой, тремя дверьми-гармошками и рядом иллюминаторов по бокам.

Пыхтя дымом из трубы и скрежеща тормозами, вагон замедлился и вскоре замер у платформы. Двери открылись, на станцию сошло несколько человек. Среди них был кондуктор в фуражке и с компостером на ремне — он зажег папируску, запыхтел ею и споро начал пробивать билеты подошедших пассажиров.

Финч поднялся со скамейки и встал в очередь. Когда дело дошло до него, он протянул кондуктору свой школьный билет. Трамвайщик засунул его в пасть компостера и нажал на рычажок. Билет вернулся в руки мальчика еще более надгрызенным: скоро на нем и вовсе не останется живого места.

— Это предпоследняя поездка, — сказал кондуктор. — Вам следует обновить школьный билет, юный мистер.

— Да, сэр. — Финч кивнул и вошел в вагон.

Здесь было теплее, чем на станции, — работали теплофоры. В обитом темным деревом салоне висели лампы, у иллюминаторов располагались сдвоенные сиденья. В вагоне было дымно: некоторые пассажиры курили, пряча лица за газетами. С передовиц скалился какой-то важный джентльмен. Большие буквы заголовка саркастично восклицали: «СЕРЬЕЗНО?!» и «КТО БЫ МОГ ПОДУМАТЬ?!»

Сняв со спины портфель, Финч занял свободное место. Ждать оставалось еще около пяти минут: это была узловая станция — на таких трамваи ожидают пассажиров.

Финч прислонился лбом к стеклу иллюминатора и выглянул наружу. Станция продолжала жить своей жизнью, не замечая, что его там больше нет, что он будто бы растаял и исчез, как снежинка на теплой стеклянной крыше.

Угрюмо ползущий взгляд мальчика вдруг остановился на двери полицейской будки. Рядом с ней стоял тот самый только что пойманный жулик! Как ни в чем не бывало он озирался, словно кого-то искал, и потирал руки одна о другую, согревая их.

«Неужели его отпустили? Так быстро? А как же констебль?! Как же все те ужасы полиции, о которых рассказывают?!»

Жулик усталился на трамвай, его взгляд пробежался по иллюминаторам и вдруг замер, встретившись со взглядом Финча. Уже знакомая зловредная усмешка появилась на губах этого типа, блеснул металлический зуб.

Финч отпрянул от иллюминатора и взмолился про себя, чтобы трамвай поскорее тронулся.

Как назло, трамваю еще было стоять и стоять, а жулик размашистым вальяжным шагом двинулся по платформе. Остановившись у передних дверей, он протянул билет кондуктору. После чего, получив прокомпостированный билетик обратно, приподнял в ложном почтении котелок, одарил трамвайного служащего своей фирменной усмешкой и нырнул в вагон.

К огорчению и испугу Финча, он уселся не куда-нибудь, а на соседнее сиденье — несмотря на то, что в вагоне было множество пустых мест.

«Да что он прицепился?!» — с тревогой подумал Финч и усталился в иллюминатор, боясь повернуться к соседу. Мальчик буквально чувствовал эту отвратительную усмешку рядом с собой, и она, он был уверен, ничего хорошего ему не сулила.

Пахло от незнакомца тоже весьма скверно: смесью дешевого табака и «Висельного джина» — самого непритязательного пойла, которое можно достать в городе и от которого горло сводит, как от удавки. Так говорила миссис Поуп, консьержка дома, где жил Финч. От нее пахло примерно так же, как от этого неприятного типа.

Запах усилился, и Финч понял, что незнакомец наклонился к нему. Мальчику стало страшно. Лишь мучительным усилием воли он заставил себя не повернуться.

— Слышишь, коротышка, — злобно прошептал тип с соседнего кресла, — я знаю, что это ты меня заложил флику.

Финч обернулся к нему и бросил перепуганный взгляд по сторонам в поисках хоть кого-то, кто смог бы ему помочь. Но пассажиры были слишком заняты своими делами, и вряд ли от них стоило ожидать помощи. Уж точно не от выглядевшей

слегка сумасшедшей старухи с какой-то сложной оптической системой на лице, похожей на очки с выдвжными трубами и множеством линз.

Испуг Финча развеселил типа на соседнем сиденье.

— Да шучу я, коротышка, — усмехнулся он и добродушно, как ему казалось, а на деле достаточно болезненно ткнул мальчика локтем в бок. — Не трясись так, а то зубы стучат, прямо как голодные сиротки в приюте ложками по столу, ожидая обеда.

Финч понял, что бить его, скорее всего, не будут, и снова отвернулся. Он глядел на дверцу полицейской будки: вот-вот она откроется, и появится констебль. Он большой и сильный. Он схватит этого... этого жулика.

Но жулик, казалось, не боялся чьего бы то ни было появления. Он извлек из внутреннего кармана пальто фляжку, отпил из нее, поморщился и решил продолжить «беседу».

— Домой из школы? — спросил незнакомец, придвинувшись еще ближе к Финчу. — Волочишь портфель, набитый знаниями? Ха-ха...

Мальчик подумал, что если будет игнорировать этого типа, то тому скоро наскучит, и он отвяжется. Но незнакомец пока что решил не отвязываться и пустился в пространные рассуждения.

— Школа... хм... я ее бросил, — сказал он доверительно, будто не замечая, что Финч не хочет поддерживать разговор. Другой на его месте точно бы оскорбился, но такие люди, мальчик был уверен, просто не умеют испытывать неловкость. — Унылое местечко эта школа — ничему по-настоящему важному там не научат. К примеру, таким жизненно-необходимым вещам, как подsunуть болвану-кондуктору недействительный билет, или как запутать дурака-констебля, или как подкладывать расфуфыренным высокомерным джентльменам свиней, а их важным дамам — дохлых крыс.

С платформы раздался голос из вещателей: *«Пассажиры! Пассажиры! Трамвай отходит!»*

— Ух ты! — тут же прокомментировал сосед Финча. — Эта развалюха наконец трогается! Совсем не заставила себя ждать!

В вагон вернулся кондуктор. Он уселся в свое кресло возле рубки машиниста, закинул ногу на ногу и раскрыл газету. Двери-гармошки с шипением закрылись, механизмы в рубке перешли с сонного хода на рабочий, трамвай качнулся и пополз. Станция, с ее светом и теплом, будто страница книги, перелистнулась на холодный город, кривые деревья и снег.

— Эй, почтенный! — через полвагона обратился к кондуктору сосед Финча. — Мост Шелли когда там у нас?

— Через две станции, — ответил кондуктор, даже не подняв взгляд от газеты.

«Неужели? — с потаенной радостью подумал Финч. — Неужели этот тип сходит с трамвая на три станции раньше меня? Это значит, что он не увяжется за мной до самого дома. Но как вытерпеть его целых две станции?»

— Ты видал? — Незнакомец тем временем снова ткнул Финча локтем и кивнул на кондуктора: — Какой занятой! Как будто там что-то печатают, в этих газетенках, кроме мусора. Подумаешь... Тебя как звать, коротышка? — Мальчик проигнорировал, но незнакомец не смутился: — Меня все зовут Кэттли. А тебя как?

Финч продолжал глядеть в окно, делая вид, что никак его не зовут.

— Кажется, у тебя что-то с ушами, — недобро заметил мистер Кэттли. — Да и в целом как-то ты неважно выглядишь. Бледный. Синяки под глазами. Не заболел, часом?

Мальчик молча протер рукавом запотевший иллюминатор.

Трамвай свернул на узкую запруженную улицу, вдоль которой выстроились хмурые дома с синими крышами. Рокот и клаксонирование экипажей, а также фырчание их труб проникали и в вагон. В облаках дыма и пара по мостовой медленно ползли троффы со складными крышами-гармошками, месили снег своими здоровенными колесами черные флеппины — громоздкие общественные экипажи

на шесть пассажиров. Над дорогой, ловко минуя скопление паровых колесных экипажей, прошагал нефф, похожий на переевшую рыбу на механических ногах. Мимо, жужжа винтами, пронесся кнофф — двухместный аэростат, дымящий, как сотня курильщиков. Он пролетел совсем близко от трамвая — прорезал снегопад и скрылся.

Скрашивая дорогу в школу или домой, Финч всегда наблюдал за всеми этими экипажами, а также за людьми, которые мелькали в их окнах. Он представлял, куда именно едет, шагает или летит та или иная махина, и придумывал, кто сидит внутри — пытался разгадать, что у пассажиров на уме, и ему становилось не так беспросветно скучно, как всегда.

Однако сейчас Финч никак не мог отвлечься. Все его мысли были заняты этим непредсказуемым мистером Кэттли, который сидел рядом и который в любой момент мог выкинуть какой-нибудь пренеприятный фокус.

Очевидно, отложив фокусы на потом, мистер Кэттли с деланным пониманием поинтересовался:

— Папочка с мамочкой запретили разговаривать с незнакомцами?

— Дедушка запретил, — машинально уточнил Финч, поглядев на ухмыляющегося типа.

— Попался! — радостно сообщил сосед.

Финч нахмурился и отвернулся к окну.

— Значит, ты с дедушкой живешь? — спросил мистер Кэттли.

— Да, — зачем-то ответил мальчик, хоть и собирался молчать.

— Мои папочка с мамочкой тоже сбежали, когда я был коротышкой вроде тебя.

Финч возмущенно уставился на этого наглого человека в котелке.

— Мои родители не сбежали... Они... они... — мальчик запнулся и замолчал. Почему-то он считал важным ответить

этому мерзкому типу, защитить своих родителей, и все же не смог договорить.

— Сиротка, значит? — бесцеремонно уточнил мистер Кэттли. — Хм. Да ты не расстраивайся! Без них всяко лучше! Никто не нудит, тростью не лупит, не ворчит постоянно. Дедушка твой как? Злобный хрыч или жить можно?

— Дедушка хороший.

— Повезло. Только в школу заставляет ходить и носить дурацкую форму.

Финч промолчал, и мистер Кэттли добавил:

— Врет, небось, что это важно. Что без этого никак. А ты на меня погляди! Беззаботен! Великолепен! Успешен!

Финч мог бы согласиться только с первым. Беззаботности мистера Кэттли позавидовала бы и кошка, лениво разлегшаяся в корзинке у камина и с заранее раскрытой пастью ожидающая новую делегацию мышей.

Мистер Кэттли продолжил:

— Дедушка твой боится, что ты узнаешь ужасную тайну: ты только время впустую тратишь на эту учебу, на задания всякие домашние. Можешь поверить, он тебе многого не рассказывает...

— Дедушка мне все рассказывает! — с вызовом заявил Финч. Он и не заметил, как встрял в разговор, в котором не собирался принимать участия. Должно быть, втягивание в разговоры наивных школьников тоже было особым умением мистера Кэттли, которому в школах не обучают. — Он никогда не врет! Он на войне был!

На мерзкого типа в котелке довод мальчика произвел не слишком сильное впечатление.

— Фу-ты ну-ты! Аж на войне? — презрительно скривился он. — И у него нет никаких секретов? У всех есть грязные тайны.

— У дедушки нет.

— И у него нет никаких запертых шкафов, ящиков стола или дверей в квартире, куда тебе запрещено соваться?

Почитать описание и заказать
в МИФе

Смотреть книгу

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

Взрослые книги:

Проза:

Детские книги:

